

Дворец Чжучи. Беседка Цзуйфэн

Лин Цзюмо, облаченный в роскошное фиолетовое одеяние, обнимал за талию прекрасного юношу. Пригубив вина, он лениво прищурился, напоминая сытого, довольного жизнью лиса.

— Вот скажи мне, — небрежно протянул он, — почему все эти смазливые личики не вызывают у меня ни малейшего интереса?

Лю Даньцай на миг оцепенел. Значит, в глазах принца он — лишь очередная посредственность, безликая тень в толпе таких же несчастных.

Скрыв обиду за привычной покорной улыбкой, он поднял на принца сияющий взгляд и, мягко прикусив губу, прошептал:

— Вкусы Вашего Высочества слишком изысканны. Должно быть, лишь сошедший с небес небожитель достоин вашего внимания.

«Но разве такие люди существуют в подлунном мире? — с тайной гордостью подумал Даньцай. — За всю свою жизнь я не встречал никого, кто мог бы превзойти меня красотой».

Он ласково улыбнулся и поднес принцу чашу, полную ароматного вина.

— Ты — это не он, — холодно бросил Лин Цзюмо.

Он выхватил чашу из его рук и осушил ее одним глотком.

На лице красавца промелькнуло мимолетное замешательство, но пронизательный взор принца мгновенно уловил это колебание. Неужели... он обо всем догадался?

— Любопытно, — Лин Цзюмо потянулся к кувшину и снова наполнил чашу. — На том свитке должен быть изображен именно ты. И я всем нутром чую, что этот человек совсем близко. Но стоит мне взглянуть на тебя, как я сразу понимаю: ты — подделка.

Лю Даньцай молча опустил голову, улыбка застыла на его губах. Оказывается, всё это время принц видел в нем лишь чужой, призрачный образ. Он грелся в лучах чужой славы, которой никогда не заслуживал.

— Тебе, верно, не терпится узнать, почему я так одержим призраком из собственных снов?

Лю Даньцай побледнел, на лбу выступила холодная испарина. Как этот непредсказуемый, жестокий человек накажет его за обман? И всё же, вопреки страху, в душе его крепло жгучее

любопытство: какая неведомая сила заставила гордого и своенравного девятого принца потерять голову из-за мимолетного видения?

Лин Цзюмо усмехнулся, обнажив ровные белые зубы, и вдруг, подавшись вперед, больно укусил юношу за щеку.

— А вот не скажу, — со смехом прошептал он.

Потрясенный Даньцай прижал ладонь к щеке, сквозь нежную кожу которой уже проступали крошечные капли крови. Он задрожал от обиды и недоумения. За что судьба свела его с этим безумцем? Поступки девятого принца не поддавались никакой земной логике.

Принц железной хваткой вцепился в его подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Кто надоумил тебя притвориться им? Какова ваша цель?

Казалось, еще секунда — и Лин Цзюмо раздробит ему кости. Когда Даньцай уже начал задыхаться от боли, принц внезапно разжал пальцы и, схватив кувшин, силой влил остатки вина ему в горло.

Глядя, как юноша надрывно кашляет, пытаясь перевести дыхание, принц самодовольно сощурился и оглушительно расхохотался:

— Впрочем, можешь молчать. Я и так всё знаю.

Взмахнув широкими рукавами, он легко выпрыгнул из беседки. Его стремительный силуэт на фоне бескрайних снежных просторов казался ожившим черным драконом.

Лю Даньцай провожал его тоскливым взглядом. Принц ушел, вольный как ветер, оставив после себя лишь горькое послевкусие.

«Неужели нельзя? Неужели я не достоин стать хотя бы его тенью? Ну и пусть. Мне не нужно взаимности. Достаточно просто быть рядом, дышать одним воздухом и видеть его каждый день. Большого мне и не надо».

Юноша медленно поднялся и побрел прочь из беседки, шаг в шаг ступая по едва заметным следам на свежем снегу, который продолжал падать крупными хлопьями.

В памяти всплыл тот далекий мартовский день. Весенний императорский банкет.

Тогда Лю Даньцай был еще совсем юн. Его танцевальное мастерство оставляло желать лучшего, поэтому его не допускали к важным выступлениям — он лишь прислуживал на побегушках, перенося утварь.

Проходя мимо дворца Чжучи, под раскидистым деревом цветущего персика он увидел величественного юношу. Солнечные блики играли на его дорогих шелках, а он смотрел прищуренными миндалевидными глазами, вобравшими в себя всю красоту уходящей весны. Это была судьба. Любовь с первого взгляда — слепая, безнадежная, заставившая его, подобно ночному мотыльку, лететь на губительное пламя.

Вернувшись в поместье Чжао, где он воспитывался под видом обычного танцора, Даньцай днями и ночами изнурял себя тренировками, живя лишь одной надеждой — когда-нибудь вновь предстать перед взором этого человека. Теперь в искусстве игры на цине, шахматах, каллиграфии и живописи ему не было равных во всем государстве Чжуцзюэ. Но увы, даже признанная всеми безупречная красота и редкие таланты не могли сравниться с призрачным образом из чужих снов. Поистине, злая насмешка судьбы.

Вернувшись в кабинет, Лин Цзюмо притих. Веселье сошло с его лица, уступив место легкой меланхолии. Он прекрасно знал, кто стоит за Лю Даньцаем. Замыслы Великого наставника Чжао Бучжи тоже не были для него секретом. Неужели этот старый лис наконец-то теряет терпение?

— В мире столько развлечений и утех, — пробормотал принц себе под нос, загадочно улыбаясь и качая головой. — К чему вести эту мышиную возню из-за жалкой добычи?

Он обернулся к застывшей в полумраке фигуре личного стража:

— Тайная стража нашла хоть какие-то следы того человека?

Слуга поспешно отступил на два шага назад и отрицательно покачал головой.

— Свободен, — вздохнул Лин Цзюмо, не в силах скрыть разочарования. — И впрямь... гоняюсь за призраками.

Он распахнул створки окна. Далеко внизу, кутаясь в алые одежды, по его свежим следам медленно брела одинокая фигура. Ледяной ветер трепал полы ее халата, заставляя походить на хрупкого снежного духа, застывшего в бесконечном па. Принц задумчиво прищурился.

— Как твое самочувствие? Тебе лучше? — с заботой в голосе поинтересовался Чжао Бучжи.

Сюй Нуо задумчиво склонил голову набок.

— Нет. Сердце болит.

Чжао Бучжи слегка удивился, но тут же мягко улыбнулся:

— Раз ты болен, нужно лежать в постели. Зачем в такой холод сидеть на сквозняке и смотреть на закат? Разумеется, тебе станет хуже.

С этими словами он опустился на скамью рядом с юношей, укрывая его от ледяного ветра полами своего просторного плаща.

Сюй Нуо отвел взгляд от его благородного лица и уставился на бескрайнюю снежную равнину.

— Почему этот зимний холод тянется так долго?.. — тихо прошептал он.

— В государстве Чжуцзэ суровые зимы, но весна уже на пороге, — пояснил Чжао Бучжи. — Конечно, здешним краям далеко до твоей долины Яохуа, где круглый год царит тепло.

В этот момент в его сознании возник странный провал. Будто он позабыл кого-то невероятно важного, но, как ни пытался, не мог вспомнить ни лица, ни имени.

«Должно быть, весна в этом году будет особенной... Пятьсот лет прошло», — подумал Сюй Нуо.

По правде говоря, мирная жизнь в этом поместье казалась ему не такой уж плохой. Каждый день видеть Чжао Бучжи, вместе любоваться угасающим солнцем, а когда станет совсем холодно — прижиматься ближе друг к другу, делясь теплом... Разве это не то простое, земное счастье, о котором можно лишь мечтать?

Но увы...

Сюй Нуо горько усмехнулся. Ледяной воздух защекотал горло. Заметив, что Чжао Бучжи о чем-то задумался, он не выдержал и негромко закашлялся.

— Тебе пора принять лекарство, — спохватился Великий наставник.

Бучжи показалось, что в глубине глаз юноши на мгновение отразилась щемящая тоска.

Они вернулись в покои. Чжао Бучжи, как обычно, приказал стражу Суйфэну принести чашу с густым темным отваром.

Осушив ее до дна, Сюй Нуо поморщился и недовольно потер переносицу:

— Горькое какое.

Чжао Бучжи тихо рассмеялся:

— Хорошее лекарство всегда горчит. К тому же лекарь добавил туда солодку и мед. Не думаю, что оно настолько невыносимо.

— Не веришь? Сам попробуй...

Договорить Чжао Бучжи не успел. Сюй Нуо подался вперед и накрыл его губы своими. Они были прохладными, сухими и пахли терпкими целебными травами.

Великий наставник оцепенел. Даже в самых смелых фантазиях он не мог вообразить, что этот нелюдимый юноша проявит такую пылкую инициативу. Впервые в жизни его целовали без спроса, столь настойчиво и властно.

«Отец уже должен был вернуться из Терема Сотни Цветов... Что там с приемом во дворце... Как продвигается ремонт оросительных каналов... Завтрашние доклады...» — лавина беспорядочных мыслей хлынула в его голову, начисто лишая способности здраво рассуждать.

От Сюй Нуо веяло прохладой, оставляя на языке свежий, едва уловимый привкус мяты. Чжао Бучжи чувствовал, как внутри него разгорается жаркое пламя, но почему-то у него не поднялась рука оттолкнуть юношу.

— Тяньи?.. Чжао Бучжи?.. — донесся до него тихий, лишенный эмоций голос Сюй Нуо.

Перед глазами Чжао Бучжи поплыли круги. Силуэт юноши двоился, таял в тумане, пока мир окончательно не погрузился во тьму. Великий наставник без сил опустился на пол.

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Сюй Нуо слышал, как бешено колотится его собственное сердце. Он перевел взгляд на лежащего у его ног Чжао Бучжи. Во сне тот растерял всю свою привычную холодность, высокомерие и вечную жажду контроля. Черты его лица, утонченные, казались высеченными из чистейшего нефрита, а на губах застыла недоуменная улыбка. Переносица у него была чуть выше, чем у Чжао Тяньи, подбородок — более острым, да и взгляд при жизни казался куда глубже и пронизательнее.

Сюй Нуо с удивлением осознал очевидное: они совершенно не похожи.

«Верно, я просто слишком устал от этого бесконечного одиночества и тоски по Тяньи, — с горечью подумал Сюй Нуо. — Сам себя убедил, сам поверил в эту ложь, лишь бы получить

короткую передышку».

Этот человек когда-то подарил ему надежду, но он же медленно и хладнокровно травил его ядом. Пожалуй, теперь они квиты.

Сюй Нуо опустился на колени и осторожно, едва касаясь, провел кончиками пальцев по его бровям, векам и плотно сжатым губам.

«Прощай, Чжао Бучжи. И спасибо тебе за всё».

Наступило утро. Золотистый солнечный луч пробился сквозь резные оконные рамы и мягко коснулся лица Чжао Бучжи. Пробудившись, он сладко потянулся и невольно улыбнулся — он и забыл, когда в последний раз спал так крепко и безмятежно. Однако, оглядевшись, он осознал, что находится в чужих покоях. Кровать была пуста. Кругом царило безмолвие.

Напустив на себя привычную мягкую улыбку, он негромко позвал:

— Сюй Нуо...

Ответом ему была тишина. За те полмесяца, что они провели под одной крышей, Бучжи успел изучить привычки своего гостя. Тот почти не покидал комнаты, делая исключение лишь для рассветов и закатов. Но сейчас солнце стояло уже высоко — близился полдень.

Где же он?

Комнаты опустели. Такого исхода Чжао Бучжи не мог предвидеть даже в худшем кошмаре. На его губах всё еще сохранялся прохладный вкус чужого поцелуя, постель хранила тонкий мятный аромат, а сам юноша исчез без следа, не проронив на прощание ни слова.

С грохотом полетела на пол дорогая посуда со стола. Гнев, копившийся в груди Великого наставника, вырвался наружу.

— Суйфэн! — взревел он.

Сидевший на перилах галереи страж вздрогнул. В этом крике отчетливо слышалась неприкрытая жажда крови. Он прекрасно понимал, в какое неистовство пришел его господин.

Молодой господин Чжао был слишком горд. В его жизни существовало лишь два исхода: либо он забирал желаемое себе, либо выбрасывал за ненадобностью. Но еще никто и никогда не

смел бросить его первым. Сюй Нуо стал исключением.

Вспомнив бледное лицо и неосязаемый силуэт уходящего юноши, страж мысленно перевел дух. Этот чистый человек наконец-то вырвался из грязного омуты придворных интриг.

Переступив порог, Суйфэн понял, что недооценил масштабы катастрофы. В комнате не осталось ни одного целого предмета мебели. Чжао Бучжи тяжело дышал, его взгляд горел испепеляющим огнем. Он уставился на вошедшего стража так, словно хотел прожечь в нем дыру.

Несколько долгих минут они стояли в полном молчании. Наконец Суйфэн, не выдержав давящей атмосферы, заговорил первым:

— Молодой господин Сюй просил передать вам кое-что на словах.

— Передать?!

Чжао Бучжи схватил уцелевшую фарфоровую вазу и с силой запустил ее в стену. Суйфэн, не проронив ни звука, опустился на колени прямо на острые осколки. Из изрезанной кожи на пол потекла кровь.

Прошло немало времени, прежде чем Великий наставник сквозь зубы процедил:

— Говори. Что он сказал?

Никто... Ни одна живая душа не смела обращаться с ним как с пустотой! Позволить себе вольность, поцеловать без разрешения, а затем трусливо сбежать, оставив глупое послание через слугу? Это было изощренным унижением!

— Он сказал, что если смешать яд «Дюйм тоски» с корнем колокольчика, они нейтрализуют друг друга...

Чжао Бучжи мертвой хваткой сжал кулаки, так что ногти до крови впились в ладони.

Значит, он знал. С самого начала всё знал.

В памяти Бучжи услужливым эхом зазвучали недавние разговоры.

«А можно я не буду это пить?»

«Как твое самочувствие? Тебе лучше?» — «Нет. Сердце болит».

Так вот к чему были эти вопросы... Он смотрел на него чистым взглядом, видя его насквозь. Бучжи и сам не планировал скрывать от него правду до конца, но он жестоко просчитался, недооценив проницательность и внутреннюю свободу этого человека.

«Дюйм тоски» — яд без цвета и запаха, медленный и беспощадный. Он не причиняет жертве боли, постепенно лишая тело чувствительности, пока человек просто не засыпает навеки. Чжао Бучжи не любил Сюй Нуо, но у него действительно не поднималась рука хладнокровно прикончить это хрупкое, неземное создание. Он лишь хотел быть рядом, скрасить его последние дни. Он полагал, что даже если Сюй Нуо раскроет его замысел, то из-за тоски по своему покойному возлюбленному, на которого Бучжи был так похож, всё равно останется с ним.

Но один-единственный поцелуй разрушил всю эту тщательно выстроенную партию. Всё пошло прахом.

— Он сказал, куда направляется? — выдавил Чжао Бучжи. Голос его пересох, грудь сдавило удушливым обручем. Лучше бы юноша испустил последний дух у него на глазах, чем вот так ушел, оставив ни с чем.

Суйфэн качнул головой. Он помедлил, не зная, стоит ли говорить всю правду, но всё же решился:

— Он улыбался, когда уходил.

Улыбался?... Радовался, что наконец избавился от него? Что сможет продолжить поиски своего драгоценного Чжао Тяньи?

— Не бывать этому! — бешено взревел Чжао Бучжи.

«Тяньи... Этот мертвец не дает тебе покоя даже сейчас! Сбежал от меня, чтобы вновь искать его тень? Пока я жив, у тебя ничего не выйдет!»

«Сюй Нуо, не надейся, что мы квиты. Ты решил, что поместье Чжао — проходной двор, откуда можно уйти в любой момент?»

Но сильнее гнева его терзал один-единственный вопрос, который диким зверем выл в его раненой душе: «Сюй Нуо... Кем я был для тебя всё это время? Кто я в твоём сердце?!»